УДК 94(47).046
DOI 10.24411/2311-603X-2019-00060

Изольда Тирет

Первые вкладчики Нило-Столобенской пустыни и развитие культа преподобного Нила Столобенского

Как и в странах средневекового Запада, на Руси верующие стремились преподносить дары монастырям. Тем не менее немногое известно о том, какую роль дары благочестивых вкладчиков сыграли в укреплении репутации русских святых, являвшихся покровителями этих монастырей. Недавние исследования Дэвида Миллера, Т. Б. Карбасовой и Т. В. Сазоновой, направленные на установление связи между духовным опытом почитателей святых Сергия Радонежского и Кирилла Новоезерского и щедрыми вкладами в основанные этими святыми монастыри, указывают на то, что крупные дары обычно преподносились после событий, ассоциируемых с официальным признанием культа святого, таких как обретение мощей настоятелями монастырей, например игуменом Троице-Сергиева монастыря Никоном или игуменом Кирилло-Новоезерского монастыря Титом[1]. Если воспользоваться определением известного историка поздней античности Питера Брауна из его знаменитой работы о культе раннехристианских святых, эти настоятели сыграли роль «импресарио» (т.е. вдохновителей) культа святых покровителей их монастырей[2]. В данной статье рассматривается связь между духовными и экономическими аспектами, способствовавшими развитию культа преподобного Нила Столобенского — загадочного монаха и аскета XVI в., проведшего большую часть жизни на крохотном необитаемом острове Столбном на озере Селигер. Изучение людей, чудесным образом исцеленных преподобным

Нилом, и первых вкладчиков Нило-Столобенской пустыни в первые три десятилетия XVII в. указывает на то, что такие события, как обретение мощей святого, не всегда приводили к подношению щедрых даров монастырю приверженцами этого святого. Напротив, дары Нило-Столобенскому монастырю, хранившему мощи нового святого, в значительной степени зависели от способности вдохновителей его культа убедить социально неоднородное сообщество его приверженцев, проживавших в непосредственной близости от места захоронения святого, заключить своего рода соглашение с монастырем, по условиям которого ценные дары вознаграждались духовными услугами, как бы обменивались на них. Подобно тому, как это происходило с культами святых Сергия Радонежского и Кирилла Новоезерского, первые вклады в виде недвижимого имущества и привилегий, а также церковной утвари в монастырь преподобного Нила поступали от местных жителей, чьи дары способствовали закреплению за Нилом Столобенским статуса святого. Однако в случае преподобного Нила вклады являлись не только следствием географической близости первых вкладчиков к монастырю. Они были важны для монахов и мирских людей из всего западного региона Московского государства: благодаря дарам новому чудотворцу монахи и обыватели, если они были уроженцами этих мест, поддерживали связь со своей родиной. Такая материальная поддержка, оказываемая селигерскому святому, значительно помогла настоятелям монастыря превратить почитание Нила Столобенского, изначально строго ограниченное Селигерским краем на западе Московского государства, в укоренившийся культ, который привлек внимание и других щедрых верующих из их окружения.

Первый настоятель Нило-Столобенской пустыни, строитель Герман (ум. в 1614 г.), и его преемник Нектарий Теляшин (1614–1667) чутко подметили духовный и экономический потенциал распространенного в православном мире поклонения святым мощам. В течение первых четырех десятилетий XVII в. оба настоятеля значительно укрепили культ преподобного Нила путем создания сети благотворителей Нило-Столобенской пустыни, в результате чего монастырь получал экономические права, продовольственные и денежные жалования и прочие привилегии. В ходе изучения грамот, выданных Нило-Столобенской пустыни, а также наиболее ранних описей и Синодика монастыря, составленного Нектарием в Тобольске в 1637 г., автором настоящей статьи было установлено, что проводимый Нектарием активный поиск щедрых дарителей также привел к расширению социального разнообразия почитателей культа преподобного Нила. К 1630-м гг. Нила Столобенского почитали не только низшие слои населения, такие как крестьяне и рыбаки, проживавшие в районе Селигера и поклонявшиеся святому вместе со своими

семьями, друзьями и знакомыми, но и влиятельные представители Троице-Сергиева монастыря, которые были урожденцами западных уездов Руси. И те, и другие помогли широко распространить духовную репутацию Нила Столобенского и его монастыря задолго до 1667 г., когда были обретены мощи селигерского святого.

Во время Смуты, в 1608 г., город Осташков, расположенный в семи километрах от Нило-Столобенской пустыни, присягнул Лжедмитрию II. Годом позднее город сдался войскам царя Василия Шуйского под предводительством М. В. Скопина-Шуйского. Разгромив русское войско в битве при Клушино в июне 1610 г., поляки осуществили несколько набегов на Осташковский край, в результате чего были разрушены целые деревни и началось массовое бегство крестьян. Эти трагические события привели к сокращению населения. Хотя осташковский посадский человек Михаил Сивков подписал в 1613 г. грамоту об избрании царя Михаила Федоровича Романова, фактически город находился под контролем шведов вплоть до 1617 г.[3]

Несмотря на то что во время Смуты, при первом настоятеле Германе, Нило-Столобенской пустыни удалось избежать физического ущерба, тяжелое положение окружающего региона сказалось на монахах[4]. Поскольку на строительство монастыря не выделялись ни земли, ни денежные средства, первые монахи пустыни были вынуждены жить собственным трудом и подаяниями местных жителей[5]. Об отчаянной ситуации Нило-Столобенского монастыря говорит завещание Германа от 1614 г.: в документе указано, что в пустыни находилось не более двенадцати монахов, размещавшихся в шести деревянных кельях[6]. Помимо деревянного Богоявленского собора с приделом во имя Василия Блаженного и часовни над гробницей преподобного Нила, обитель включала три скромных новых деревянных постройки: колокольню с пятью колоколами, трапезу и амбар[7]. В монастырской казне хранились несколько ветхих облачений и церковных сосудов, простая посуда для повседневного использования, фонарь, лодка и церковное вино[8]. В переписной книге Нило-Столобенской пустыни 1635 г. упоминается лишь один вкладчик времен настоятеля Германа — Федор Яковлевич Шишмарёв, ржевский землевладелец, пожаловавший монастырю колокол и пять церковных сосудов[9].

Сложная экономическая ситуация, в которой находилась Ниловская обитель в первом десятилетии XVII в., отражается и в скромных дарах, преподносимых благотворителями столобенскому чудотворцу. Согласно завещанию Германа, в 1614 г. икона-пядница с изображением Нила Столобенского и большая житийная икона святого были единственными в пустыни иконами с окладами, имевшими некую материальную ценность. К обеим иконам была прикреплена серебряная гривна, и на одной из икон также имелся венец из серебра[10]. Отсутствие золота и драгоценных камней на окладах указывает на то, что иконы были преподнесены местными жителями, обладавшими ограниченными денежными ресурсами.

Расширение географии культа Нила Столобенского требовало нового подхода к распространению информации о нем — подхода, в рамках которого преподобный Нил занял бы место в более широком духовном контексте и обрел бы привлекательность для вкладчиков из более разнообразной социально-экономической, географической и культурной среды. Для такой трансформации культа провинциального святого был необходим новый вдохновитель — верный приверженец преподобного Нила, обладающий и выдающимся умением привлекать денежные средства, и политическими навыками, и не признающим преград твердым намерением превратить обитель преподобного Нила в выдающийся духовый центр Селигерского края. Нило-Столобенский монастырь обрел такого человека в лице преемника Германа, настоятеля Нектария.

Нектарий, в миру имевший имя Николай, был сыном крестьянина по имени Павел Теляшин из осташковской Патриаршей слободы. Николай поселился в Нило-Столобенской пустыни в возрасте двенадцати или тринадцати лет и принял монашеский постриг при строгом режиме строителя Германа[11]. Решение крестьянского мальчика уйти в монастырь, судя по всему, стало результатом стремления к монашеской жизни, свойственного всему семейству Теляшиных. Один из дедов Нектария был монахом, обе бабушки также ушли в монастырь. На склоне лет приняли постриг отец и мать Нектария. Дяди Нектария, Исаак и Юрий, а также не менее троих других членов семьи Теляшиных тоже избрали для себя монашескую жизнь[12]. Вероятно, юношеское решение Нектария примкнуть к Нило-Столобенской пустыни было связано с тем, что его родственник Федор Теляшин, будучи одним из первых свидетелей чудотворства Нила Столобенского, молился у гробницы святого еще до заложения на острове монастыря[13].

Уход Нектария в Нило-Столобенскую пустынь, по-видимому, побудил и других Теляшиных продемонстрировать истовую преданность преподобному Нилу. Со временем в обитель на Столбном пришел и брат Нектария Еремей[14]. Более того, несколько Теляшиных продемонстрировали благоговение перед селигерским святым, взяв имена, связанные с жизнью и культом поклонения преподобному Нилу. Один из братьев Нектария, будучи игуменом близлежащего Николо-Рожковского монастыря в 1624–1642 гг., взял монашеское имя Сергий в честь одного из его предшественников, являвшегося духовным отцом Нила Столобенского и руководившего похоронами святого[15]. Подобно этому, дядя Нектария Юрий взял имя Герман в честь первого настоятеля Нило-Столобенской пустыни[16]. Очевидно, вдохновившись примером своей семьи, Нектарий занялся распространением памяти о преподобном Ниле и укреплением репутации основанной им обители.

Став настоятелем Нило-Столобенской пустыни, Нектарий принялся улучшать состояние монастырской казны. В добавлении к завещанию настоятеля Германа говорится, что в 1615 г. «черный Поп Нектарий» положил в казну «въ домъ Богоявлению Христу Богу нашему и Василью Блаженному и Чудотворцу

Нилу» стихарь, рукописи духовного содержания, а также печатный Служебник[17]. Кроме того, Нектарием было приобретено подворье в Осташкове, где были построены келья и трапеза, чтобы ниловские монахи, приезжая в город по делам, имели возможность останавливаться там и проводить божественную службу[18].

В отличие от Германа, Нектарий был более настойчив в эксплуатации традиционных доходов обители, которые поступали преимущественно от местных мирян. Без твердого намерения обратить благоволение потенциальных вкладчиков из близлежащих местностей на пользу монастырю Нектарию не удалось бы всего за один год после смерти Германа обзавестись ценными богослужебными облачениями и книгами. О стремлении Нектария укрепить отношения обители с окрестным населением свидетельствует и более активное взаимодействие ниловских монахов с жителями Осташкова в 1615 г. Присутствие монахов в Осташкове не осталось незамеченным и расширило их контакты с местным населением, к тому же по мере оказания иноками духовной помощи населению их влияние повышалось, что, в свою очередь, позволило привлечь больше потенциальных благотворителей к раке преподобного Нила.

По мере того, как слава о Нило-Столобенском монастыре росла в Осташкове и окрестных слободах, местные жители начали всё больше помогать Нектарию повышать духовный статус обители: в монастырь стали нести церковную утварь и книги. Согласно переписной книге Нило-Столобенской пустыни 1635 г., житель Осташкова по имени Яков Солодовник подарил монастырю оклад для иконы с венцами из позолоченного серебра. Монахиня Акилина Власева из деревни Рогожа, расположенной в десяти километрах от Осташкова, преподнесла пустыни икону Владимирской Богоматери в окладе[19]. Священник осташковской Воскресенской церкви Иван Солоницын пожаловал монастырю книгу с Житием пророка Ильи и Пролог.[20]

Предположительно в целях улучшения финансовой ситуации монастыря Нектарий использовал семейные узы: настоятель поддерживал тесные экономические отношения со своим братом Еремеем, принесшие выгоду и брату настоятеля, и Нило-Столобенской пустыни, которой в итоге отошло имущество Еремея. Когда в 1620 г. Еремею потребовались деньги, он заложил монастырю свой осташковский двор, полученный им годом ранее от Татьяны Филатьевой, жены Семена Свербихина. Татьяна продала Еремею унаследованный от мужа двор с условием, что она сможет занимать небольшую его часть до своей кончины. Закладная Еремея на этот двор, расположенный по соседству с землей другого Свербихина, Фомы, была оформлена в присутствии родственника Фомы — крестьянина Ивана из Патриаршей слободы[21]. Поскольку позднее Еремей постригся в монахи Нило-Столобенской пустыни, двор полностью отошел монастырю.

Интерес семьи Свербихиных ко двору Еремея был связан не только с претензиями вдовы Семена Свербихина на пожизненное пользование его частью,

но и с тем обстоятельством, что ранее Фома Свербихин испытал на себе исцеляющую силу преподобного Нила. Согласно списку чудес святого, составленному при игумене Германе II во второй половине XVII в., в 1607 г. Нил исцелил Фому Степанова сына Свербихина, крестьянина Патриаршей слободы, от глазной болезни[22]. В монастырской переписной книге 1635 г. упоминается, что Фома подарил Нило-Столобенской пустыни образ пречистой Богородицы Умиление в окладе[23]. Кроме того, в 1627 г. Фома с сыном Кондратом продали Нектарию свой двор в Осташкове за пять рублей[24]. Позднее имена членов семей Кондрата и другого Свербихина, Ивана (вероятно, именно того, который выступал свидетелем при оформлении Еремеем закладной), были включены в Синодик Нило-Столобенской пустыни за 1637 г.[25] Так, за счет собственных семейных уз и благоволения местных семей, получивших чудесное исцеление от преподобного Нила, Нектарию удалось обогатить монастырь новым имуществом.

Подобное же сочетание финансовых и духовных дел прослеживается и в сделках Нектария с семьей Мусиных-Пушкиных. Благодаря почитанию образа преподобного Нила настоятель добился еще бóльших экономических выгод для монастыря, убедив Юрия Михайловича Мусина-Пушкина, назначенного воеводой Осташкова, поручить монастырю удовлетворять все духовные нужды его семьи в обмен на землю[26]. Согласно вкладной грамоте, составленной 4 февраля 1620 г. сыном воеводы Георгием, Юрий Михайлович передал несколько вотчин, полученных от царя, — пустошь Дорище на Березовском погосте со всеми причитающимися привилегиями и половину деревни Бор в Сосновской волости — «въ домъ Богоявленью Христову Столобенсково монастыря къ Нилу Чудотворцу» в обмен на молитвы за свое здоровье и здоровье живых членов его семьи. Кроме того, ниловские монахи должны были вписать имена умерших родственников Юрия во вседневный синодик монастыря[27]. Таким образом, благодаря установившимся связям с местным начальством Нектарий значительно усилил духовное влияние и улучшил финансовое положение своего монастыря.

Стремясь повысить привлекательность монастыря для благотворителей, готовых вкладывать средства в обмен на духовное попечительство, Нектарий, подобно своему предшественнику Герману, стремился расширить почитание преподобного Нила как чудесного целителя. Вступление Нектария в должность настоятеля совпало с очередной волной исцелений у гробницы святого. В девяти из десяти чудес, сотворенных Нилом в период с 1616 по 1620 г., упоминается, что непосредственно перед исцелением Нектарий служил молебен у раки преподобного[28].

Подавляющее большинство чудесных исцелений пришлось на долю приверженцев святого, проживавших в окрестностях Нило-Столобенской пустыни. Трое из исцеленных жили в Патриаршей слободе. В 1616 г. Нил исцелил крестьянина Карпа Терентьева сына Быка, пролежавшего в постели тридцать

восемь недель из-за болезни, парализовавшей его ноги[29]. В тот же год исцеление получил еще один житель Патриаршей слободы, Иван Григорьев сын Собакин, излечившийся от трясовицы и непрекращавшегося носового кровотечения[30]. В 1618 г. крестьянин Степан Логинов сын Сусленин из той же слободы был успешно исцелен у гробницы преподобного Нила от заболевания мочевого пузыря[31]. В том же 1618 г. от трясовицы исцелились двое крестьян из осташковской Иосифовской слободы — Федор Лехин и его дочь Дарья[32]. В период с 1618 по 1620 г. преподобный Нил исцелил еще троих крестьян боярина Бориса Михайловича Лыкова, чьи угодья располагались в непосредственной близости от монастыря: Федор сын Михайлов из деревни Ляпино, находившейся всего в полукилометре езды на лодке от Столбного острова, и Леонтий Васильев из деревни Степановская излечились от одержимости бесами, а Анисия, жена Яковлева, исцелилась от трясовицы[33].

Люди, исцеленные преподобным Нилом в первые годы служения Нектария настоятелем Нило-Столобенской пустыни, входили в местные семейные и социальные сообщества, что позволило распространить славу чудесного исцелителя Нила и сыграло важную роль в появлении новых приверженцев святого, искавших исцеления у его гробницы. Федор Лехин с дочерью Дарьей не только страдали от одной и той же болезни, но также вместе просили помощи у гробницы святого Нила. Очевидно, что и крестьяне из двух осташковских слобод и лыковских имений рассказывали о том, как преподобный Нил исцелил их от болезней. Особенным источником регулярных рассказов о чудотворной силе преподобного Нила, по всей видимости, стала деревня Ляпино.

Как и в случае Фомы Свербихина, лица, испытавшие на себе целебную силу мощей, а также свидетели чудесных исцелений, произошедших в Ниловой пустыне при Нектарии, стали делать вклады в обитель святого Нила. Например, в 1619 г. ржевский помещик по имени Андрей Иванов сын Козин привез одного из своих крестьян, Михаила Дорофеева из деревни Дубок, расположенной в нескольких километрах к востоку от Осташкова, в Нило-Столобенскую пустынь, с тем чтобы попросить преподобного Нила исцелить Михаила от бесного недуга, от которого тот страдал на протяжении двух лет. Отслужив молебен у гробницы святого, Нектарий передал Михаила монаху Кирилу и поручил ему читать молитвы лично за больного. Вскоре после выполнения приказа Нектария крестьянин исцелился[34].

Вероятно, семья Козиных вспомнила об исцелении Михаила Дорофеева преподобным Нилом, когда в 1631 г. один из их родственников из Ржева, Андрей Семёнов сын Козин решил передать Нило-Столобенской пустыни в постоянное владение мельницу на реке Сороге, примерно в десяти километрах от монастыря. Мельница была построена в 1599 г. на территории поместья, принадлежавшего Андрею Козину и местному посадскому человеку, Михаилу Григорьеву сыну Сивкову, в 1613 г., как сказано выше, подписавшему грамоту об избрании царя Михаила Федоровича. По записи 1631 г. Андрей Семёнов сын

Козин продал свою долю мельницы Нектарию за ежегодный оброк в размере трех рублей и некоторого количества муки[35]. Однако эта сделка состоялась после длительного юридического разбирательства между Андреем Козиным и Михаилом Сивковым, так как Михаил раньше незаконно продал Нектарию всю сорогинскую мельницу. Нелегальная продажа мельницы ниловскому игумену в обход второго владельца дорого обошлась Михаилу Сивкову, которому пришлось выплатить Андрею Козину 75 р. за потерянный доход, а также вернуть ему причитавшуюся ему долю. Однако этот спор обернулся выгодой для монастыря: по договоренности с Андреем Козиным мельница в итоге целиком перешла Нило-Столобенской пустыни. Можно предположить, что уважительное отношение семьи Козиных к преподобному Нилу, в свое время исцелившему одного из их крестьян, помогло Нектарию в очередной раз улучшить экономическую ситуацию обители[36].

Еще одно чудо, сотворенное Нилом в 1616 г., не только вызвало благодарность исцелившегося, но привлекло внимание всей его семьи к Нило-Столобенской пустыни и покровительствующему ей святому. В тот год сын боярский Семен Иванов сын Верёвкин из новгородской Деревской пятины отправился в Нило-Столобенский монастырь за исцелением от напавшей на него трясовицы. После того как Нектарий отпел молебен у гробницы святого, преподобный Нил исцелил больного[37]. Впечатлившись силой селигерского чудотворца, четырьмя годами позже брат Семена Степан Иванов сын Верёвкин также приехал в монастырь из Деревской пятины в поисках исцеления от изнуряющего недуга: в течение десяти лет Степан был одержим помыслом о всяких «неподобных делах». Вновь Нектарий вместе с братией отпели молебен у гроба чудотворца, за чем последовало чтение Псалтыри над одержимым в монашеской келье. Исцелившись, Степан Верёвкин радостно вернулся домой[38]. По всей видимости, сотворенные святым чудеса произвели настолько глубокое впечатление на некоторых других членов семьи Верёвкиных, что те установили долгосрочную материальную и духовную связь с Нило-Столобенским монастырем. В Синодике 1637 г. упоминаются семьи Игнатия Никитича и Никифора Логвиновича Верёвкиных[39]. Последний подарил монастырю пустошь Малое Святое в обмен на молитвы монахов за его здоровье и душу[40]. В. П. Успенский отмечает, что, согласно приходным книгам Нило-Столобенской пустыни за 1663–1666 гг., сыновья Никифора Логвиновича Алексей и Иван предоставили монастырю получить оброк со своей вотчины — деревни Переволок недалеко от Селигера. Более того, в 1669 г. Иван Никифорович Верёвкин предоставил монастырю право собирать оброк с деревни Святое в обмен на поминальную службу по своему отцу и другим родственникам[41]. Очевидно, что исцеление Нилом одного из родственников Ивана Никифоровича произвело столь сильное впечатление на Верёвкиных, что побудило семью поделиться своими богатствами с монастырем. На то, что семья Верёвкиных выделялась среди вкладчиков Нило-Столобенского монастыря, косвенно указывает и искусный цветочный

орнамент, нарисованный черными чернилами над упоминанием семейства Никифора Логвиновича Веревкина в монастырском Синодике 1637 г.

Активная деятельность Нектария в первые годы его службы в качестве настоятеля Нило-Столобенской пустыни привела как к значительному улучшению экономического положения монастыря, так и к повышению интереса к культу преподобного Нила. Однако по причине изолированности и труднодоступности обители ее экономический рост и рост известности святого-чудотворца были затруднены. В долгосрочной перспективе благоденствие пустыни и культа святого было возможно лишь при условии, что слава о монастыре распространится за пределы ближайших окрестностей и привлечет новых состоятельных вкладчиков, обладающих влиянием в политических кругах. Нектарий осознал это еще на ранних этапах своего настоятельства, в связи с чем стремился представлять обитель как важный духовный центр России, привлекая таким образом внимание влиятельных и состоятельных благотворителей.

Нектарий, очевидно, делал попытки привлечь внимание потенциальных благотворителей из Новгородской епархии, к которой принадлежал Нило-Столобенский монастырь. Среди первых новгородских вкладчиков была семья Верёвкиных. Кроме них, согласно переписной книге 1635 г., новгородский монах по имени Корнилий даровал Нило-Столобенской пустыни Евангелие[42]. Михаил Милославский, имевший прямое отношение к Новгороду, вложил в монастырь список трудов Ефрема Сирина и два Пролога[43]. Во время Смуты Михаил Милославский служил дьяком в Ивангороде, а с января 1620 по март 1624 г. являлся дьяком в Новгороде[44]. Далее, 19 декабря 1627 г. Новгородский митрополит Киприан выдал Нило-Столобенскому монастырю жалованную грамоту, которая, по данным В. П. Успенского, освобождала монастырь от десятины и прочих церковных сборов[45].

Представляется также, что Нектарий стремился разширять круг вкладчиков из более обширного географического региона к западу от Москвы. По данным переписной книги 1635 г., некий Онуфрий из Вязьмы, находившейся в 285 км к югу от Осташкова, подарил монастырю печатную книгу Устав и богослужебное одеяние[46]. Дворянин Иван Степанович Благово, служивший в начале XVII в. воеводой в нескольких русских городах, но родившийся в Зубцове (примерно в 160 км от Осташкова), в обмен на молитвы за себя и своих усопших родителей даровал монастырю пустошь Коровье, расположенную в семи верстах от монастыря. Эта пустошь, на которой находился двор с сенником, гумном и житницей, стала значительным источником дохода для Нило-Столобенской пустыни[47].

Нектарию также удалось привлечь внимание вкладчиков из Ржева, расположенного примерно в 140 км к юго-востоку от Осташкова. Согласно переписной книге 1635 г., ржевский монах по имени Илинарх даровал Ниловой пустыни образ Николы Можайского в окладе[48]. Преданным благотворителем Нило-Столобенского монастыря при Нектарии стал еще один уроженец

Ржева, Степан Петрович Шатилов, служивший осташковским воеводой с 1616 по 1626 г. Степан Шатилов, купивший 12 февраля 1611 г. амбар у Павла Семенова сына Жаворонкова из Иосифовской слободы за десять рублей, затем передал постройку своему духовному отцу Нектарию, с просьбой отслужить поминальную службу по себе и своим родителям[49]. Сын Степана Шатилова по имени Шестой, позднее постригшийся в монахи и взявший имя Сергий, подарил Нило-Столобенскому монастырю рукописные и печатные книги, а также образ святого Александра Свирского[50].

Стремясь укрепить репутацию преподобного Нила и способствовать новым вкладам, настоятель Нило-Столобенского монастыря поддерживал также крепкие связи с влиятельными монахами крупнейшей обители Московской Руси — Троице-Сергиева монастыря. В частности, Нектарий направил усилия на установление близких отношений с монахами, являвшимися уроженцами Ржевского уезда и демонстрировавшими активный интерес к духовному развитию своих родных мест. Подобно тому, как в Московском государстве, согласно мнению американского историка Джанет Мартин, служилые люди, перешедшие на службу в Москву, продолжали дорожить своими связями с теми местами, откуда они были выходцами, невзирая на свой новый социальный статус, тесно сопряженный со службой, так и эти монахи сохранили связь с родной землей, несмотря на клятву оставить мир ради Бога[51]. Истовое стремление монахов Троице-Сергиева монастыря, которые были выходцами из окрестностей Селигера, способствовать духовному процветанию родных мест, по всей видимости, и послужило мотивацией для преподношения ценных даров Нило-Столобенской пустыни, а также побудило их приложить значительные усилия для распространения рассказов о преподобном Ниле в агиографической и литургической литературе.

Среди Троицких монахов был и знаменитый архимандрит Дионисий (1610–1633), сыгравший важную роль в освобождении Москвы во время Смуты. Дионисий вырос во Ржеве и в юности провел некоторое время в Успенском монастыре соседней Старицы[52]. Там его обучали чтению Гурий из Ржева и Герман Тулупов из Старицы. Позднее, став монахами Троице-Сергиева монастыря, Гурий и Герман предоставили своему собрату Симону Азарьину важнейшую информацию для написания Жития Дионисия. Изначально Дионисий служил священником в деревенской церкви близ Старицы, однако после смерти жены и двоих сыновей постригся в монахи в Успенском монастыре, где позднее стал казначеем. С 1607 по 1610 г. он являлся архимандритом этого крупного монастыря, после чего патриарх всея Руси доверил ему настоятельство в Троице-Сергиевом монастыре[53]. В первые годы своей службы там архимандритом Дионисий прославился тем, что стремился помочь освобождению Москвы от польско-литовского гарнизона[54].

Однако даже проведя более десяти лет в Троице-Сергиевом монастыре, Дионисий продолжал сохранять связи со Старицей; например, он послал доро-

гие богослужебные дары, Евангелие и кадило, в Старицкий Успенский монастырь[55]. Более того, в 1623 г. он передал в этот монастырь рукописную книгу с отрывками из Пролога. Дар сопровождался просьбой отслужить поминальную службу по его ближайшим родственникам, жившим и умершим в Старицком крае[56].

Наставник Дионисия Герман Тулупов (умерший в 1636/1637 г.) разделял привязанность своего ученика к их родным местам. Герман (в миру — Георгий Иванович Тулупов) родился в Старице, затем стал священником Успенского собора в местном одноименном монастыре[57]. В 1626/1627 г. постригся в монахи в Троице-Сергиевом монастыре, настоятелем которой был его блестящий ученик Дионисий. Там Герман отличился тем, что написал двенадцать томов житий святых и переписал множество Служебных миней, Прологов и прочих богослужебных текстов[58].

Учитывая схожесть судьбы Германа с судьбой Дионисия, представляется, что Германа Тулупова связывало с архимандритом Троице-Сергиева монастыря, кроме всего прочего, и то, что оба они продолжали заботиться о родных местах, прежде всего об их церковном процветании[59]. Сложение предания о чудотворце Ниле Столобенском в Ржевском уезде позволило и Дионисию, и Герману Тулупову шире распространить культ этого святого. Согласно переписной книге 1635 г., Дионисий направил несколько дорогих даров в монастырь на Столбном острове. Среди них был не только рукописный Скитский патерик, но также медный крест с 44 святыми мощами[60]. Кроме того, архимандрит даровал монастырю деисусный чин с семнадцатью иконами для церкви во имя Покрова Богородицы, построенной Нектарием в 1620 г., и часы с боем для возведенной Нектарием новой колокольни над святыми вратами[61]. Масштаб этих ценных даров указывает на желание Дионисия поддержать святого Нила и его монастырь, имевший прямое отношение к региону, откуда происходил архимандрит.

Несмотря на то что нам неизвестно, какое именно влияние оказал Дионисий на работу Германа Тулупова переписчиком в Троице-Сергиевом монастыре, весьма вероятно, что архимандрит посоветовал своему бывшему наставнику использовать свои навыки для распространения культа Нила Чудотворца. Очевидно, что Дионисий лично благословил написание жития святых Германом, поскольку об этом ясно говорится в написанном Германом послесловии к первому тому его Четьих миней[62]. Личный интерес Германа к селигерскому святому становится явным в написанной уроженцем Старицы Служебной минее 1628 г., через два года после его прихода в Троице-Сергиев монастырь: в свою рукописную копию Служебной минеи, в основу которой легла доступная печатная версия, Герман включил раннюю версию Службы Нилу, присутствовавшую на тот момент лишь в рукописных экземплярах. Решение Германа включить Службу новому селигерскому святому в собственную рукописную Служебную минею говорит о необычайном интересе монаха к распространению культа преподобного Нила. Можно предположить, что Герману потребовалось приложить

особые усилия, чтобы получить копию Службы Нилу, которая на тот момент существовала лишь в течение трех десятков лет и не использовалась в широких кругах. Возможно, копию Службы он получил из самого Нило-Столобенского монастыря. Включив Службу селигерскому святому в свою Служебную минею 1628 г., которая затем использовалась для богослужений в Троице-Сергиевом монастыре, Герман тем самым приложил руку к распространению информации о преподобном Ниле[63]. О стремлении Германа распространить славу нового чудотворца своей родины говорит также то обстоятельство, что двумя годами позже Житие Нила Столобенского, написанное Филофеем Пироговым, было включено троицким монахом в Тулуповские Четьи минеи. Копия Жития святого Пироговской редакции, принадлежавшая Герману Тулупову, является наиболее старым из существующих экземпляров Жития Нила.

Активный интерес архимандрита Дионисия и Германа Тулупова к распространению культа по-прежнему малоизвестного святого Нила Столобенского, вероятно, привлек внимание других монахов и мирских служителей Троице-Сергиева монастыря, являвшихся уроженцами Селигерского региона. Среди них был троицкий монах Нифонт Третьяков, предположительно дальний родственник осташковских крестьян Никиты и Сильвестра Третьяковых, получивших чудесные исцеления у гробницы Нила[64]. Согласно Синодику Нило-Столобенской пустыни 1637 г., Нифонт также был родственником Леонтия, игумена Троицкого монастыря в Селижарове — городе, расположенном чуть более чем в 40 км от Осташкова[65]. Во время своего пребывания в Троице-Сергиевом монастыре Нифонт поддержал Нило-Столобенский монастырь, подарив пустыни два образа Богоявления с резными серебряными венцами. Хотя один образ был пядницей, второй имел размер в семь пядей, т. е. высота его составляла около 140 см. Этот образ предназначался для местного ряда иконостаса Богоявленского собора[66]. Еще одним вкладчиком пустыни был слуга Троице-Сергиева монастыря Андрей Иванов сын из Старицы, подаривший пустыни печатный Часослов[67]. Вероятно, подобно Дионисию или Герману Тулупову, Нифонт и Андрей Иванов сын поддерживали культ нового селигерского святого, будучи движимы теплым отношением к религиозным традициям своих родных мест.

Этому примеру последовали и другие жители Троице-Сергиева монастыря: свое почтение к селигерскому святому они проявляли в виде многочисленных вкладов, направляемых в пустынь. Монах Иоасаф Киряков (умер в 1644 г.), длительное время служивший уставщиком Троице-Сергиева монастыря и в 1631/1632 г. ставший книгохранителем величайшего монастыря Московской Руси, подарил Нило-Столобенской пустыни образ Благовещения в серебряном окладе[68]. Соборный старец Иов Беляницын, ранее служивший келарем крупного Корнилиево-Комельского монастыря в Вологодском регионе и, пребывая в этой должности, неоднократно одаривавший этот монастырь и другие монастыри в регионе книгами, преподнес Ниловой пустыни печатную Псалтырь[69].

Наконец, Нило-Столобенскому монастырю достались и щедрые дары троицкого келаря Александра Булатникова, который происходил из зажиточной дворянской семьи, имевшей связи с московским правительством, и которому удалось заручиться поддержкой царской семьи Романовых — именно благодаря этому ему достались должности казначея и строителя Соловецкого монастыря, а затем — келаря Троице-Сергиева монастыря в 1622 г. Александр Булатников отличился щедрыми денежными вкладами, а также дарами церковной утвари и книг, которые направлялись Соловецкому монастырю и прочим обителям на севере России[70]. Хотя Нило-Столобенская пустынь была совсем малым монастырем, вероятно, репутация ее святого покровителя произвела должное впечатление на троицкого келаря. По данным переписной книги Нило-Столобенского монастыря 1635 г., от Александра Булатникова в дар были получены стихари, Служебники, две Псалтыри и напрестольное Евангелие. Кроме того, в Синодике 1637 г. говорится, что в 1633 г. он даровал монастырю пятьдесят рублей[71].

Важность финансовой и духовной поддержки, оказанной Троице-Сергиевым монастырем Нило-Столобенской пустыни и ее святому покровителю, прослеживается в списках семей основных вкладчиков из Троице-Сергиева монастыря, зафиксированных в Синодике 1637 г.: в документе значатся семьи одного из членов семьи Тулуповых, а также Иова Беляницына, Нифонта Третьякова, Дионисия и Александра Булатникова. В знак чрезвычайной важности троих последних вкладчиков записи об их семьях обрамлены искусными картушами[72].

Таким образом, изучение первых вкладчиков Нило-Столобенской пустыни показывает, что в Московской Руси развитие культа нового святого, который был основателем монастыря, в значительной степени зависело от умения настоятеля этого монастыря убеждать местных приверженцев в духовном престиже обители, для чего требовалось укрепление репутации преподобного как чудотворца и заступника перед Богом. Вдохновившись настоятелями пустыни Германом и Нектарием, выступавшими в качестве «импресарио» культа Нила Столобенского, приверженцы святого из Селигерского края выражали уважение к чудотворцу путем преподношения даров и предоставления монастырю привилегий. Кроме того, обращаясь к географическому происхождению вкладчиков, являвшихся уроженцами западного региона Московского государства за пределами Селигерского края, Нектарий сумел привлечь в пустынь еще больше богослужебных и финансовых даров. Однако прежде всего игумену Нило-Столобенской пустыни удалось обратить на монастырь внимание влиятельных фигур Троице-Сергиева монастыря. Как высокопоставленное духовенство, так и мирские служители монастыря расширяли известность культа Нила Столобенского, одаривая его монастырь церковными дарами и распространяя его агиографический и литургический образ, поскольку для них святой выступал духовным представителем их родных мест, с которыми они по-прежнему ощущали крепкую связь. Таким образом, важнейшую роль в раннем развитии

культа Нила Столобенского сыграло не столько его официальное признание Русской православной церковью, сколько вера его приверженцев в чудотворную силу святого и восприятие его как представителя их родного края.

---

[1] *Miller D. B.* Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb, Ill., 2010. С. 106; *Карбасова Т. Б.* Кирилл Новоезерский. История почитания. Исследование и тексты. М.; СПб., 2011. С. 208–210, 218; *Сазонова Т. В.* Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. М.; СПб., 2011. С. 218–225, 282–305 (Приложение 6).

[2] *Brown P.* The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity. Chicago, 1981. P. 49.

[3] *Покровский В.* Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880. С. 5, 8; *Токмаков И. Ф.* Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. М., 1906. С. 18–21; *Успенский В. П.* Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии. Тверь, 1893. С. 74. О названии Михаила Сивкова в Архивском экземпляре и в экземпляре Оружейной палаты грамоты избрания Михаила Федоровича см. Утвержденная грамота об избрании на Московское государство Михаила Федоровича Романова / Ред. С. А. Белокуров. 2-е изд. М., 1906. С. 89 (Архивский экземпляр), 91 (экземпляр Оружейной палаты).

[4] А. А. Галашевич ошибочно утверждал, что Нилова пустынь была разрушена во время Смуты. См. *Галашевич А. А.* Художественные памятники Селигерского края. 2-е изд. М., 1983. С. 87–88.

[5] *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 112; *Барсегян Т. В.* Нило-Столобенская пустынь. Монастырь и мир. М., 1999. С. 66.

[6] *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 136–137 (Приложения, № I).

[7] Там же. С. 135–136 (Приложения, № I).

[8] Там же. С. 137 (Приложения, № I).

[9] Государственный архив Тверской области (далее — ГАТО). Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 23 (колокол), 22 об. (церковные сосуды). Имена членов семей Федора и его сына Кирилла упоминаются в синодике, который составил Нектарий в Тобольске в 1637 г. См.: Библиотека Российской академии наук. Отдел рукописей (далее — БАН ОР). Собрание Археографической комиссии (далее — Арх. ком.). Д. 153. Л. 282.

[10] *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 136 (Приложения, № I).

[11] Там же. С. 18–19, 174 (Приложения, № XVII, 1); *Токмаков И. Ф.* Город Осташков... С. 28, 392. Личность Нектария можно установить благодаря письму от 1652 г., адресованному «Нектарию Павловичу»; см: *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 255 (Дополнения, № IV); *Токмаков И. Ф.* Город Осташков. С. 27, примеч. 16.

[12] *Успенский В. П.* Записка о прошлом города Осташкова... С. 14; *Токмаков И. Ф.* Город Осташков... С. 28.

[13] Российская государственная библиотека. Рукописный отдел (далее — РГБ РО). Ф. 304. I. Собрание Троице-Сергиевой Лавры. № 672. Л. 102 — 102 об.

[14] *Успенский В. П.* Преосвященный Нектарий, второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ Сибирский и Тобольский. 1587–1667 год. Тверь, 1882. С. 2; *Токмаков И. Ф.* Город Осташков... С. 28.

[15] *Токмаков И. Ф.* Город Осташков... С. 28; *Успенский В. П.* Записка о прошлом города Осташкова... С. 14. Успенский отмечает, что Николо-Рожковский монастырь, пострадавший от набегов во время Смуты, был восстановлен при Сергии Теляшине, умершем в 1642 г.; см. *Успенский В. П.* О погосте Рожке Осташковского уезда. Тверь, 1888. С. 6, 10.

[16] *Токмаков И. Ф.* Город Осташков... С. 28 (Юрий); Черты монастырского быта в XVII в. Письмо архиепископа Сибирского Нектария и шутовская челобитная колязинских монахов // Русский архив. 1873. Вып. 9. Стб 1774.

[17] *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 137–138 (Приложения, № I). Переписная книга Ниловой пустыни 1635 г. также говорит о том, что Нектарий купил литургические одеяния на монастырские деньги. См.: ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 16 об. В течение своей жизни Нектарий приобретал и собирал самые разные книги, а также лично переписал несколько духовных трактатов; см. *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 25, 75, 83–85; *Рачинский А. В.* Нилова пустынь в первыя полутораста лет ея существования // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. Кн. III. Отд. 2. С. 3.

[18] *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 138 (Приложения, № I).

[19] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 10 об.

[20] Там же. Л. 19.

[21] Еремей заложил этот двор за 25 р. См.: *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 249 (Дополнения, № I, 3).

[22] Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 1455. Оп. 4. Д. 351. Л. 1 (чудо 4-е).

[23] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 10 — 10 об.

[24] РГАДА. Ф. 1455. Оп. 1. Д. 323. Л. 1.

[25] БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 439, 466.

[26] О назначении Мусина-Пушкина воеводой см.: *Рачинский А. В.* Нилова пустынь... С. 4; *Абрамов Н.* Нектарий, третий архиепископ сибирский и тобольский, 1636–1640 гг. // Странник. 1866. № 1. С. 67.

[27] ГАТО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1775. Л. 1; см. также *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 251 (Дополнения, № II, 1). В грамоте говорится, что это был первый вклад Мусиных-Пушкиных в Нило-Столобенскую пустынь. При неизвестных обстоятельствах пустошь Дорище была возвращена семейству Мусиных-Пушкиных, однако согласно записке, приложенной к оригинальному документу, в 1678 г. некий Иван Мусин-Пушкин, вероятно, потомок Юрия Михайловича, вернул пустошь Ниловой пустыни на три года; см.: ГАТО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 1775. Л. 1.

[28] См. чудеса 7-е–15-е // РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 351. Л. 2–4.

[29] Там же. Л. 2 (чудо 7-е).

[30] Там же. Л. 2 (чудо 8-е).

[31] Там же. Л. 3 (чудо 12-е).

[32] Там же. Л. 3 (чудо 10-е).

[33] Там же. Л. 3, 4 (чудеса 11-е, 15-е, 16-е).

[34] Там же. Л. 3 (чудо 13-е).

[35] *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 141–144 (Приложения, № III).

[36] О построении мельницы в 1599 г. см.: РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 324. Л. 1–4. Возможно, Андрей Семенов сын хотел получить обратно свою долю мельницы, поскольку в 1599 г. сделка была осуществлена без его согласия. Согласно царской грамоте от 1598 г., в тот год умер его отец, когда Андрею было всего три года; см.: Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. Т. 2. М., 1998. С. 189 (№ 203). Как представляется, ниловские монахи сохранили благодарность Михаилу Сивкову, впоследствии принявшему постриг в Нило-Столобенской пустыни, за продажу своей доли мельницы монастырю. Имена членов семьи Сивковых были внесены в Синодик 1637 г., а в знак значимости сделанного вклада в жизнь монастыря, запись о семье, как и о нескольких других осташковских семьях, была украшена картушем. Такие украшения предназначались исключительно для важных вкладчиков пустыни; см.: *Успенский В. П.* Преосвященный Нектарий... С. 69 (инок Михаил); Библиотека Российской академии наук. Отдел рукописей (далее — БАН ОР). Арх. ком. Д. 153. Л. 438, 444 (имена Сивковых в синодике), 438 (картуш).

[37] РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 351. Л. 2 (чудо 8-е).

[38] Там же. Л. 3 (чудо 14-е).

[39] БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 354 об., 349.

[40] Вклад упоминается в переписной книге 1647 г. См.: РГБ РО. Ф. 200. Нилова пустынь. Д. 104. Л. 88. Вкладная грамота находится в: РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 333. Л. 4. Переписные книги Ниловой пустыни от 1647 и 1663 гг. более 50 лет считались утерянными. Рукописная книга, содержащая эти переписные книги, вновь появилась уже после проведения Т. В. Барсегян первого исследования Нило-Столобенской пустыни, однако информация из нее была частично включена в третью редакцию работы; см. *Барсегян Т. В.* Нилова пустынь. Монастырь и мир. Изд. 3-е, испр. и доп. Нило-Столобенская пустынь, 2017. С. 195, 207–214.

[41] О Переволоке см.: *Успенский В. П.* Преосвященный Нектарий... С. 57; *Рачинский А. В.* Нилова пустынь... С. 3. О святом см.: *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 186 (Приложения, № XXII).

[42] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 18.

[43] Там же. Л. 18 об.

[44] *Селин А. А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 194, 224, 260, 413; *Веселовский С. Б.* Дьяки и подъячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 332.

[45] Тверской государственный объединенный музей (далее — ТГОМ). КОФ-24125. Л. 29 об. (Переписная книга 1667 г.); КОФ-24126, Л. 44 (Переписная книга 1672 г.); *Успенский В. П.* Историческое описание... С. 21, 110. Успенский ошибочно датирует грамоту 1628 г. О принадлежности Ниловой пустыни к Новгородской епархии см. *Рачинский А. В.* Нилова пустынь... С. 2.

[46] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 18 — 18 об. (Устав), 15 об. (богослужебное одеяние).

[47] Там же. Л. 26 — 26 об. Об Иване Степановиче см.: Благово // Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. С. 83.

[48] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 10 об. — 11.

[49] РГАДА. Ф. 1455. Оп. 4. Д. 325. Л. 1 — 1 об. Амбар тоже упоминается в переписной книге Ниловой пустыни 1663 г. См.: ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 18. О воеводской деятельности Степана в Осташкове см.: *Токмаков И. Ф.* Город Осташков... С. 47–48.

[50] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 18 (книги), 11 (образ). В 1590-х гг. Степан получил несколько царских грамот. См.: Акты служилых землевладельцев... Т. 2. С. 392–393 (№ 462–464).

[51] *Martin J.* Mobility, Forced Resettlement and Regional Identity in Muscovy // Московская Русь (1359–1584): культура и историческое самосознание / Ред. A. M. Kleimola, G. D. Lenhoff. M., 1997. С. 440.

[52] *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкаго-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Историческое изследование. Тверь, 1890. С. 40; *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь, 1895. С. 45–46; *З. Я. Е.* Дионисий (Зобниновский, Зобнинов, Зобнинский) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 15. С. 257–267. Об истории Старицкого Успенского монастыря см.: *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого... С. 21–45.

[53] *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого... С. 47. В 1607 г. в Успенском монастыре жили 73 иеромонаха и иеродиакона, 32 послушника и 43 монастырских слуги. См. *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого... С. 50.

[54] *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский... С. 67–102.

[55] Надписи и репродукции обоих предметов опубликованы в книге: Русское серебро в собрании Тверского музея. К 125-летию Тверского государственного объединенного музея. Каталог / Ред. Е. Д. Пухалина. М., 1991. С. 22 (№ 19), 11 (№ 8).

[56] *Арсений, игумен.* Историческое описание Старицкого... С. 20.

[57] Там же. С. 53.

[58] О Германе Тулупове и его литературной деятельности см.: *Понырко Н. В.* Герман // Словарь книжников и книжности древней Руси (далее — СККДР). СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 196–197; *Скворцов Д.* Дионисий Зобниновский... С. 43–44; *Алексеев В. Н., Турилов А. А.* Герман // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 11. С. 252–253.

[59] Об общей родине Дионисия и Германа Тулупова см. также: *Алексеев В. Н.* Троицкий книгописец Герман Тулупов // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1981. С. 123.

[60] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 17 (патерик), 14 (крест с мощами).

[61] Там же. Л. 5 (Деисусный чин), 22 об. (часы); также см.: *Рачинский А. В.* Нилова пустынь... С. 3.

[62] РГБ РО. Ф. 304. I. Собрание Троице-Сергиевой Лавры. Д. 665. Л. 566; также см.: *Алексеев В. Н.* Троицкий книгописец... С. 131.

[63] РГБ РО. Ф. 304. I. Собрание Троице-Сергиевой Лавры. Д. 514. Л. 465 об. — 493.

[64] Успенский упоминает Третьяковых среди первых жителей Осташкова; см.: *Успенский В. П.* Записка о прошлом... С. 14.

[65] БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 253.

[66] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 9 об. (икона пядница), 3 (местная икона).

[67] Там же. Л. 18 об. — 19.

[68] Там же. Л. 9 об. — 10. Об Иоасафе см.: *Белоброва О. А.* Иоасаф (в миру Иоанн Кириаков) // Труды Отдела древнерусской литературы (далее — ТОДРЛ). Л., 1990. Т. 44. С. 129–130; *Гусейнова З. М.* Иоасаф (Киряков Иван) // Православная энциклодедия. М., 2015. Т. 25. С. 193–194.

[69] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 17 об. О вкладах Иова в Комельский монастырь см.: *Сергеев А. Г.* Библиотека Корнилиево-Комельского монастыря: Проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь / Ред. С. А. Семячко. СПб., 2008. С. 488.

[70] О жизни Александра Булатникова в Соловецком и в Троице-Сергиевом монастырях и о его вкладах в монастыри см.: *Панченко О. В.* Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII в.: троицкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 490–498.

[71] ГАТО. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1592. Л. 15 об. (стихари), 17 — 17 об. (книги); БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 198 (деньги).

[72] БАН ОР. Арх. ком. Д. 153. Л. 389 об., 378, 253, 184, 198.

References

ABRAMOV N. Nektariy, tretiy arhiepiskop sibirskiy i tobol'skiy. 1636–1640 gg. [Nektarii, the Third Archbishop of Siberia and Tobol'sk, 1636–1640. In Russ.] // Strannik. 1866. N 1. S. 65–87.

Akty sluzhilyh zemlevladel'tsev XV — nachala XVII veka Acts of Servitor [Landowners 16th — Beginning of the 17th Century. In Russ] / Ed. A. V. Antonov. Vol. 2. Moscow, 1998.

ALEKSEEV V. N., TURILOV A. A. German [German. In Russ.] // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2011. Vol. 11. P. 252–253.

ALEKSEEV V. N. Troitskiy knigopisets German Tulupov [The Trinity Composer of Books German Tulupov. In Russ.] // Sibirskoe sobranie M. N. Tikhomirova i problemy arheografii. Sbornik nauchnyh trudov. Novosibirsk, 1981. P. 120–137.

ARSENIY, hegumen. Istoricheskoe opisanie Staritskogo Uspenskogo monastyrya [A Historical Description of the Monastery of the Dormition in Staritsa. In Russ.]. Tver', 1895.

BARSEGYAN T. V. Nilo-Stolobenskaya pustyn'. Monastyr' i mir [The Nilo-Stolobenskaya Hermitage. The Monastery and the World. In Russ.]. Moscow, 1999.

BARSEGYAN T. V. Nilova pustyn'. Monastyr' i mir [The Nilov Hermitage. The Monastery and the World. In Russ.] 3rd revised and expanded edition. Nilo-Stolobenskaya pustyn', 2017.

BELOBROVA O. A. Ioasaf (v miru Ioann Kiryakov). [Ioasaf (Ioann Kiryakov by his Secular Name). In Russ.] // TODRL. Leningrad, 1990. Vol. 44. P. 129–130.

BROWN P. The Cult of the Saints. Its Rise and Function in Latin Christianity. Chicago, 1981.

GALASHEVICH A. A. Hudozhestvennye pamiatniki Seligerskogo kraya [Artistic Monuments of the Seliger Region. In Russ.] 2nd edition. Moscow, 1983.

GUSEYNOVA Z. M. Ioasaf (Kiryakov Ivan) [Ioasaf (Kiryakov Ivan). In Russ.] // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2015. Vol. 25. P. 193–194.

KARBASOVA T. B. Kirill Novoezerskiy. Istoriya pochitaniya. Issledovanie i teksty [Kirill Novoezerskiy: A History of His Veneration. An Analysis and the Textual Sources. In Russ.] Moscow; St. Petersburg, 2011.

MARTIN J. Mobility, Forced Resettlement and Regional Identity in Muscovy // Culture and Identity in Muscovy, 1359–1584 / Ed. A. M. Kleimola, G. D. Lenhoff. Moscow, 1997. P. 431–439.

MILLER D. B. Saint Sergius of Radonezh, His Trinity Monastery, and the Formation of the Russian Identity. DeKalb, Ill., 2010.

PANCHENKO O. V. Iz istorii kul'turnyh svyazey Solovetskogo i Troitse-Sergiyeva monastyrey v pervoi polovine XVII v.: Troitskiy kelar' Aleksandr Bulatnikov [From the History of the Cultural Ties Between the Solovetskiy and Trinity-Sergius Monasteries in the First Half of the 17th Century: The Trinity Cellarer Aleksandr Bulatnikov. In Russ.] // TODRL. St. Petersburg, 2004. Vol. 55. P. 488–507.

POKROVSKIY V. Istoriko-statisticheskoe opisanie goroda Ostashkova [A Historical and Statistical Description of the Town of Ostashkov. In Russ.]. Tver', 1880.

PONYRKO N. V. German [German. In Russ.] // SKKDR. St. Petersburg, 1992. Vol. 3. Part 1. P. 196–198.

RACHINSKIY A. V. Nilova pustyn' v pervyya polutorosta let eya sushchestvovaniya [The Nilov Hermitage in the First 150 Years of its Existence. In Russ.] // Chteniya v Obshchestve istorii i drevnostey rossijskih. 1875. Kn. III. Otd. 2. P. 1–62.

Russkoe serebro v sobranii Tverskogo Muzeya. K 125-letiyu Tverskogo gosudarstvennogo ob"edinennogo muzeya. Katalog. [Russian Silver in the Collection of the Tver' Museum. In Honor of the 125th Anniversary of the United Tver' State Museum. Catalogue. In Russ.] / Ed. E. D. Pukhalina. Moscow, 1990.

SAZONOVA T. V. Kirillo-Novoezerskiy monastyr'. Opyt izucheniya malyh i srednih monastyrey Rossii XVI–XVII vv. [The Kirillo-Novoezerskiy Monastery. An Early Study of Small and Medium-Sized Monasteries in Russia in the 16th and 17th Centuries. In Russ.] Moscow; St Petersburg, 2011.

SELIN A. A. Novgorodskoe obshchestvo v epohu Smuty [Novgorodian Society during the Time of Troubles. In Russ.] St. Petersburg, 2008.

SERGEYEV A. G. Biblioteka Kornilyevo-Komel'skogo monastyrya: Problemy rekonstruktsii [The Library of the Kornilyevo-Komel'skii Monastery: Problems of Reconstruction. In Russ.] // Knizhnyie tsentry Drevney Rusi. Kirillo-Belozerskiy monastyr' / Ed. S. A. Semiachko. St Petersburg, 2008. P. 477–492.

SKVORTSOV D. Dionisiy Zobninovskiy, arhimandrit Troitskago-Sergiyeva monastyrya (nyne Lavry). Istoricheskoe izsledovanie [Dionisyi Zobninovskyi, Archimandrite of the Trinity-Sergius Monastery (now Trinity-Sergius Lavra). In Russ.]. Tver', 1890.

TOKMAKOV I. F. Gorod Ostashkov Tverskoy gubernii i ego uezd. Sbornik istoriko-statisticheskih i arheologicheskih svedeniy [The Town of Ostashkov of Tver' Guberniya and its Uezd. A Collection of Historical, Statistical, and Archeological Evidence. In Russ.]. Moscow, 1906.

USPENSKIY V. P. Istoricheskoe opisanie Nilovoy Stolobenskoy pustyni, Tverskoy eparhii Ostashkovskago uezda [A Historical Description of the Nilo-Stolobenskaia Hermitage of Tver' Eparchy, Ostashkov Uezd. In Russ.]. Tver', 1876.

USPENSKIY V. P. O pogoste Rozhke Ostashkovskogo uezda [The Pogost Rozhok of Ostashkov Uezd. In Russ.]. Tver', 1888.

USPENSKIY V. P. Preosviashchennyi Nektariy, vtoroy nastoiatel' Nilovoy Stolobenskoy pustyni, byvshiy arhiepiskop sibirskiy i tobol'skiy. 1587–1667 god [The Most Venerable Nektariy, Second Head of the Nilo-Stolobenskaya Hermitage, Previous Archbishop of Siberia and Tobol'sk. In Russ.]. Tver', 1882.

USPENSKIY V. P. Zapiska o proshlom goroda Ostashkova Tverskoy gubernii [Note about the Past of the Town of Ostashkov of Tver' Guberniya. In Russ.]. Tver', 1893.

VESELOVSKIY S. B. D'yaki i pod'yachie XV–XVII vv. [D'yaki and pod'yachie of the 15th–17th Centuries. In Russ.]. Moscow, 1975.

Z. Ia. E. Dionisiy (Zobninovskiy, Zobninov, Zobninskiy) [Dionisiy (Zobninovskiy, Zobninov, Zobninskiy). In Russ.] // Pravoslavnaya entsiklopediya. Moscow, 2009. T. 15. P. 257–267.

Список литературы

Абрамов Н. Нектарий, третий архиепископ сибирский и тобольский, 1636–1640 гг. // Странник. 1866. № 1. С. 65–87.

Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века / Сост. А. В. Антонов. Т. 2. М., 1998.

Алексеев В. Н. Троицкий книгописец Герман Тулупов // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Сборник научных трудов. Новосибирск, 1981. С. 120–137.

Алексеев В. Н., Турилов А. А. Герман // Православная энциклопедия. М., 2011. Т. 11. С. 252–253.

Арсений, игумен. Историческое описание Старицкого Успенского монастыря. Тверь, 1895.

Барсегян Т. В. Нилова пустынь. Монастырь и мир. Изд. 3-е, испр. и доп. Нило-Столобенская пустынь, 2017.

Барсегян Т. В. Нило-Столобенская пустынь. Монастырь и мир. М., 1999.

Белоброва О. А. Иоасаф (в миру Иоанн Кириаков) // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 129–130.

Веселовский С. В. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.

Галашевич А. А. Художественные памятники Селигерского края. Изд. 2-е. М., 1983.

Гусейнова З. М. Иоасаф (Киряков Иван) // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. 25. С. 193–194.

З. Я. Е. Дионисий (Зобниновский, Зобнинов, Зобнинский) // Православная энциклопедия. М., 2009. Т. 15. С. 257–267.

Карбасова Т. Б. Кирилл Новоезерский. История почитания. Исследование и тексты. М.; СПб., 2011.

Панченко О. В. Из истории культурных связей Соловецкого и Троице-Сергиева монастырей в первой половине XVII v.: Троицкий келарь Александр Булатников // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 55. С. 488–507.

Покровский В. Историко-статистическое описание города Осташкова. Тверь, 1880.

Понырко Н. В. Герман // СККДР. СПб., 1992. Вып. 3. Ч. 1. С. 196–198.

Рачинский А. В. Нилова пустынь в первыя полутораста лет ея существования // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. Кн. III. Отд. 2. С. 1–62.

Русское серебро в собрании Тверского музея. К 125-летию Тверского государственного объединенного музея. Каталог / Ред. Е. Д. Пухалина. М., 1990.

Сазонова Т. В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. СПб., 2011.

Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008.

Сергеев А. Г. Библиотека Корнилиево-Комельского монастыря: Проблемы реконструкции // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь / Ред. С. А. Семячко. СПб., 2008. С. 477–492.

Скворцов Д. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкаго-Сергиева монастыря (ныне Лавры). Историческое исследование. Тверь, 1890.

Токмаков И. Ф. Город Осташков Тверской губернии и его уезд. Сборник историко-статистических и археологических сведений. М., 1906.

Успенский В. П. Записка о прошлом города Осташкова Тверской губернии. Тверь, 1893.

Успенский В. П. Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни, Тверской епархии Осташковскаго уезда. Тверь, 1876.

Успенский В. П. О погосте Рожке Осташковского уезда. Тверь, 1888.

Успенский В. П. Преосвященный Нектарий, второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ сибирский и тобольский. 1587–1667 год. Тверь, 1882.

Изольда Тирет. Первые вкладчики Нило-Столобенской пустыни и развитие культа преподобного Нила Столобенского

В данной работе, основанной на изучении первых чудес преподобного Нила, Переписной книги Нило-Столобенской пустыни 1635 г., наиболее ранних записей в Синодике пустыни 1637 г., а также купчих и духовных грамот Селигерского края, рассматривается связь между духовными и экономическими аспектами, повлиявшими на развитие культа преподобного Нила Столобенского — загадочного аскета, прожившего бóльшую часть жизни на крохотном необитаемом острове Столбном на озере Селигер в XVI в. По мнению автора, дары, преподносившиеся Нило-Столобенской пустыни в течение первых четырех десятилетий XVII в., в значительной степени стали результатом умения строителя Германа и его преемника Нектария Теляшина убеждать социально неоднородную группу приверженцев обменивать финансовые пожертвования Ниловой пустыни на духовные услуги монахов. Данная работа преследует цель продемонстрировать, что значительный вклад в раннее развитие культа Нила Столобенского был

внесен благодаря семейным и социальным связям как местных вкладчиков, так и влиятельных фигур Троице-Сергиева монастыря, заинтересованных в духовной жизни своей родины на западе Московского государства, где зародился культ преподобного.

Ключевые слова: почитание святых, вкладчики, религиозная жизнь, местная история, монастырская экономическая жизнь.

Isolde Thyrêt. The First Donors to the Nilo-Stolobenskaya Hermitage and the Development of the Cult of Saint Nil Stolobenskiy

Studying the first miracle stories of Saint Nil Stolobenskiy, the Nilov Hermitage's inventory of 1635, the earliest entries in the hermitage's sinodik of 1637, and purchase deeds and wills from the Seliger region, this article examines the connection between the spiritual and economic aspects that contributed to the development of the cult of Saint Nil, an enigmatic ascetic who lived most of his life on the small uninhabited island Stolbnoe in Lake Seliger in the 16th century. The author suggests that in the first four decades of the 17th century, the donations to the Nilov Hermitage depended on the ability of the first two Nilov leaders, German and Nektarii Teliashin, to persuade a socially diverse group of followers of the saint to enter into a bargain with the saint's monastery that exchanged financial gifts for spiritual services. The article shows how family and social ties among the local patrons of the Nilov Hermitage and important figures in the Trinity-Sergius Monastery, who were interested in promoting spiritual life in their homeland where Nil Stolobenskiy's veneration originated, contributed significantly to the early development of this saint's cult.

Key words: veneration of saints, donors, religious life, local history, monastic economy.

Тирет, Изольда — профессор истории, Кентский университет штата Огайо, США.
Thyrêt, Isolde — PhD, associate professor, History Department, Kent State University, Ohio, USA.
E-mail: ithyret@kent.edu